

ски не востребованными. Хотя программа динамических обследований и содержала существенные пробелы, но это, безусловно, важный источник по истории колхозов начала 1930-х гг.

Таким образом, у историков впереди еще большая работа в области изучения массовой документации по истории колхозов начала 1930 гг.

---

¹ ГАСО. Ф.1812. Оп.2.Д.154-160

А.В. Федорова
Оренбургский
государственный
аграрный университет

АРХИВЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В первые месяцы Великой Отечественной войны на Южный Урал начали прибывать документы различных архивов с прифронтовой территории. Оренбург в военное время являлся крупнейшим хранилищем документации. Уже 8 августа 1941 г. Госархив Оренбургской области (в военные годы Чкаловский) принял на хранение документы из г.Гомеля Белорусской ССР, Среди них: документы облисполкома, областного управления юстиции, областной прокуратуры, облздравотдела, промбанка и т.д.¹.

Огромное количество документов было отправлено из Прибалтики. Сюда из Вильнюса были вывезены наиболее ценные в политическом отношении архивные документы – дела департамента тайной полиции буржуазной Литвы, заведенные на коммунистов и социал-демократов, материалы предварительного следствия на членов оппозиционных к правительству партий, документы профашистских и некоторых других организаций, – около десяти тысяч дел.

Из Риги в Оренбург отправили часть документов ЦГА Латвийской ССР – 43 фонда (32456 дел). Их запаковали в 93 ящика и 52 мешка. “Это были особенно ценные уникальные документы с научно-справочным аппаратом – материалы секретариата президента буржуазной Латвии, министерств и других учреждений Латвии за 1919–1940 годы, Политуправления МВД – документы, которые могли представлять особый интерес у фашистов”; – отмечают специалисты.

Из Риги эвакуировали также материалы Министерства снабжения, Управления железнодорожной полиции буржуазной Латвии. Кроме того, в тыл отправили четыре ящика с древними грамотами на пергаменте. Из Риги все вышеназванные документы были вывезены 26 июня, в Оренбург они поступили 10 августа. 17 ноября 1941 г. документы разместили в оборудованное помещение Оренбургского областного архива².

20 июля 1941 г. из Ленинграда отправили документы Ленинградского архива Октябрьской революции и соц.строительства (В настоящее время он переименован в ЦГА г. Санкт-Петербурга). Сотрудница эвакуированного архива сообщала своим коллегам в Ленинград в мае 1942 г.: “Наши ленинградские материалы, за исключением 60 кулей Совнархоза, взятых для обработки в рабочее помещение, хранятся в церкви (Никольский кафедральный собор – А.Ф.). Помещение церкви сухое, не протекает и в наших чкаловских условиях удобное для хранения материалов. Во всяком случае, ленинградские материалы, благодаря их упаковке, находятся в настоящее время в таком же состоянии, как и до отъезда из Ленинграда³.

Шесть вагонов с документацией, поступившей из г. Ржева, разгрузили осенью 1941 г. В связи с недостатком площади было принято решение документы перевести в помещение Никольского кафедрального собора. 5 ноября 1941 г. были приняты два “тюка” документов Купянского учительского института Харьковской области Украинской ССР. Полтавский горторг прислал также часть своих документов, среди которых находилось 742 трудовые книжки.

В марте-апреле 1942 г. ЦГАОР, ЦГАКА, ЦГАДА, ЦГИА, ЦГАФФК СССР отправили в Оренбург и Орск 3 миллиона 53 тысячи дел, а также 200 тысяч фотодокументов и 7118 коробок киноматериалов.

В связи с эвакуацией Госархив был вынужден освободить один из этажей своего хранилища для материалов ЦГАКА, документов Латвийской ССР, Гомельского облисполкома, Главгидростроя НКВД СССР.

В апреле 1942 г. ЦГВИА СССР также эвакуировал часть своих документов в Оренбург.⁴

Документы, прибывшие в Оренбург, были на 90 процентов не упакованными, часть находилась в ящиках, “вследствие чего большое количество их при погрузке и разгрузке из вагонов и автомашин и при укладке в помещение приведены в состояние россыпи. Кроме того, в числе прибывших материалов имеется большое количество материа-

лов, не подлежащих хранению – макулатура (документы денежно-материальной отчетности)”, – сообщалось в отчете и.о. начальника Оренбургского областного госархива Я.К. Жукова⁵.

На протяжении всей войны в Оренбурге хранились документы Главного управления лагерей гидротехнического строительства НКВД СССР. В апреле 1942 г. 120 связок временно сдали в Оренбургский облархив. Среди документов управления хранились папки производства работ Волховстроя, альбом турбин, фотографии существующих зарубежных гидроэлектростанций, чертежи электростанций “Раухиала” (3 тома) и т.д. В апреле 1942 г. технические материалы, необходимые для составления проектов гидроэлектростанций на Урале, отправили в Москву, очередная группа документов – в количестве 9 пачек была затребована в феврале 1943 г. Архив Главгидростроя был передан в Москву в феврале 1944 г. Всего в Оренбурге хранилось 2148 дел Главгидростроя Гулаг НКВД СССР⁶.

В период войны работники архивов, находившиеся в Оренбурге, проделали необходимую текущую работу, занимались научными исследованиями, выступали с лекциями перед населением. Характерной чертой времени было социалистическое соревнование. В 1942 г. сотрудники Оренбургского архива вызвали на соцсоревнование коллег госархива Латвии.

Среди различных видов деятельности Оренбургского госархива обращает на себя внимание следующий. По заданию Управления НКВД Оренбургской области в 1943–1944 гг. сотрудники госархива составили картотеку на членов советов и прихожан всех оренбургских храмов. Кроме того, по документам архива были выявлены представители старообрядческих организаций области, сектантских общин и др. Были включены в картотеку по фонду Оренбургского административного отдела члены совета и служители культа, прихожане римско-католического костела, немецкой кирхи и т.д.⁷.

Сотрудники Оренбургского архива работали в сложных условиях. Помещений для хранения документов явно не доставало, приходилось довольствоваться складами, сараями и т.д. В Красном городке в подвальном помещении хранились материалы ЦГАФФК СССР. Сотрудник ЦГАОР СССР П.К. Десятерик 15 марта 1944 г. записал в своем дневнике: “С крыш льет вода. Она просачивается через окна в подвальные помещения, где размещены документальные материалы. Часть ящиков сегодня перемещена в другое помещение, но большие и тяжелые пока остались на месте. Есть опасность, что они будут подмочены”⁸.

Документы целого ряда архивов страны в военные годы пережили свое второе рождение на Южном Урале. Оно пришлось на военное время, когда при эвакуации документы были спасены от врага.

- ¹ ГАОО. Ф.683. Оп.1а, д.27. Л.1.
- ² ГАРФ. Ф.Р-5325. Оп.10. Д.1365, Л.14.
- ³ ЦГА СПб. Ф.892. Оп.6. Д.11. Л.7-8.
- ⁴ Советские архивы. 1990. № 5. С.40.
- ⁵ ГАОО. Ф.683. Оп.1а. Д.27. Л.2.
- ⁶ Там же. Д.126. Л.6 об.
- ⁷ Там же. Д.142. Л.3; Ф.17. Оп.3. Д.7.
- ⁸ ГАОО. Ф.2900. Оп.1. Д.2. Л.1.

А.И. Прищепа
Сургутский
госуниверситет

ДОКУМЕНТЫ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ О ЗАБАСТОВКАХ НА УРАЛЕ В 1940 – 1990-х гг.

До 90-х гг. сведения о забастовках в СССР не только не публиковались, но и всячески скрывались. Выявленные нами документы в фондах бюро Свердловского обкома и горкома КПСС ЦДОСО позволяют говорить по крайней мере о 5 ранее неизвестных забастовках на предприятиях Свердловской области, прошедших за период 1948–1967 гг. По-видимому, эта цифра далеко не полная, т.к. обкомы и горкомы фиксировали внимание на наиболее крупных, получивших большой общественный резонанс фактах недовольства рабочих.

Сам термин “забастовка” в партийных документах не использовался, заменялся словами “законное возмущение”, “справедливый протест”, вина за который сваливалась на нижестоящие партийные органы и администрацию предприятий.

Совершенно очевидно, что в политической реальности СССР, с ее тотальной идеологизацией, всеобщим доношением, эффективной работой полицейских служб и марионеточных профсоюзов классических забастовок по западному образцу просто не могло быть. “Советские забастовки”, как правило, не готовились специально.